

В резиденции князя, кроме слуг, занимающихся уборкой, не было близкой прислуги. Единственным, кто мог приближаться, был Жуань Дао.

Жуань Дао прождал на берегу всю ночь. Когда Лу Це сошёл на берег, у него уже раскалывалась голова.

Наследник престола, едва оправившись от тяжёлой болезни, — всеобщее ликование. Лу Це не смел подать виду. Жуань Дао на руках отнёс его в резиденцию, и тут начался сильный жар, который не спадал.

На красивом лице сейчас играл яркий румянец, он был весь в поту.

* * *

Болезнь Лу Це длилась ровно два дня и две ночи.

Ночью его бросало то в жар, то в холод, одолевали кошмары.

На следующий день, придя ненадолго в сознание, жар по-прежнему не спадал. Выпитая вода вскоре, словно даром, извергалась обратно, после изнуряющей рвоты начинался кашель, и он откашливал кровавую пену.

Проснувшись, Лу Це вскоре снова погрузился в тяжёлый сон. Тени, легшие глубокими впадинами на его щеках, заставили покраснеть глаза Жуань Дао.

У этого всегда молчаливого мужчины глаза под густыми бровями мгновенно налились кровью.

По логике, Лу Це — отпрыск императора, член императорской семьи, аристократ. Если он заболел, его должен лечить придворный лекарь.

Однако в нынешней ситуации даже малейший шорох травы мог его доконать, не говоря уже о том, чтобы обнажить свои слабости в этом окружении, полном голодных волков.

Это было бы смертельно опасно.

Хотя жар на лбу и спал, человек всё не приходил в сознание.

Жуань Дао тайно пригласил лекаря. Врач, нащупав пульс, сказал, что тот едва ощутим.

Менее чем за время, необходимое, чтобы выпить полчашки чая, тот собрал свой лекарственный сундучок и собрался уходить.

— Этот старик не святой врачеватель, эта проблема... не прощупывается, не определяется...

Это был уже третий врач после того, как Лу Це впал в кому. Если пригласить больше, могут возникнуть подозрения у недоброжелателей.

Жуань Дао не на шутку встревожился. Несколько раз он бродил у ворот Восточного дворца, но так и не встретил Лоу Хэ. Рядом с Лу Це не было никого, кто мог бы за ним ухаживать, и он не смел надолго отлучаться.

Вся резиденция князя Лина располагалась в углу столичной улицы. В отличие от шумной рыночной суеты, в княжеских покоях было всего несколько слуг, царили одиночество и запустение.

А ночью в этих обширных княжеских владениях не было видно ни одной стражи, двор со всех сторон был мрачным и тёмным, лишь в коридоре висело несколько фонарей, покачивающихся, мерцающих, воистину жутко тихих.

Жуань Дао подумывал нанять повара в резиденцию, чтобы, когда Лу Це очнётся, ему не пришлось целыми днями есть пресную, безвкусную пищу.

В конце концов, один из слуг, занимавшихся уборкой, узнал об этом и предложил привести свою жену готовить. Вся семья будет жить вместе, что избавит от некоторых забот и тревог. Оставшиеся в резиденции люди были лично отобраны Лу Це, конечно, проблем не было. Если бы наняли кого-то со стороны, пришлось бы снова проводить проверку. Жуань Дао согласился.

Вот-вот должны были закончиться эти три выходных дня, а человек на кровати по-прежнему не подавал признаков пробуждения.

Первая лампа в комнате почти догорела. Меч в его объятиях, отражая беспокойство и раздражение хозяина, издавал гудящий мечевой звон.

Лу Це очнулся, когда уже совсем стемнело.

Обычный человек, если у него жар, пропотеет, температура спадает, и за ночь всё проходит. А у Лу Це эта простуда обернулась ровно двумя днями тяжёлого сна. Даже когда он одевался, можно было невооружённым глазом заметить, как похудела его талия.

Завтра снова нужно идти на утреннюю аудиенцию, но сейчас ему не до сна. В прекрасных глазах — лишь холодная пустота. В комнате уже растопили жаровню, которую обычно используют зимой. Лу Це укрылся толстым мягким ватным одеялом, но не чувствовал ни капли тепла.

Руки и ноги по-прежнему были ледяными.

Отдав лекарственную основу Фу Чэнцы, его жизнь стала словно водяной лилией, плывущей по морю: любой мог тянуть или топить её по своему желанию.

На следующий день император лично принял чиновников, расследующих дело об отравлении наследника престола, утреннюю аудиенцию не проводили.

А вечером назначили дворцовый пир. Дворцовый пир не то что государственный банкет — все чиновники с рангом могли привести с собой семьи, между государем и подданными царила гармония.

Жуань Дао раздобыл карету. Когда они прибыли, многие сановники тоже только что достигли дворцовых ворот.

В эпоху расцвета Великой Чу наносили пудру, надевали драгоценности и украшения, облачались в лучший шёлк — так проявлялась знатность. Соперничество коллег, состязание жён — сколько раз разыгрывалось это перед величественными дворцовыми воротами цвета киновари с золотой инкрустацией.

Лу Це был одет в тёмно-синюю одежду, поверх накинул белый плащ. Когда он выходил из кареты, развевающийся плащ обнажил стройный и высокий силуэт под поясом.

Увидев Лу Це, ранее тихо перешёптывавшиеся стихли, вместо этого устремив на него взгляды.

Взгляды были разными: были чиновники, повздорившие с ним при дворе, были дамы и девицы, пленённые его красотой.

— Почему достопочтенные господа не входят во дворец? — Спокойный голос, наполненный лёгкой усмешкой, прозвучал, пройдя сквозь множество повозок и лошадей.

Те, кто до этого стоял не двигаясь, услышав голос, дружно склонились в поклоне, величественно воскликнув:

— Приветствуем Его Высочество наследника престола!

Лу Це первым поднял голову. Взору предстало утончённое, словно нефрит, лицо наследника престола. В следующий момент взгляд Лу Це застыл: плащи на обоих были белого цвета, и, когда они оказались рядом, были очень похожи.

Окружающие тоже это заметили, и стоящий рядом канцлер Цзян прямо высказался:

— Ваше Высочество князь Лин, ваша сегодняшняя одежда, пожалуй, не совсем соответствует этикету.

Лу Це не ответил. В уголках его губ застыла холодная, зловещая усмешка. Белоснежная верхняя одежда лишь добавляла отрешённости и холодности, шокирующе притягательной, словно затягивающей в бездонный холодный омут, опутывая лианами, не давая вырваться.

Канцлер Цзян, вертевшийся при дворе целую жизнь, был до смерти напуган взглядом этого юнца, на лбу выступил холодный пот. Смущённо он отвел взгляд, не глядя на него.

Лу Юй мягко улыбнулся:

— Всего лишь одежда. Если седьмому брату нравится, уступить ему — не проблема.

Избавившись от того удушающего, леденящего чувства, канцлер Цзян вновь обрёл хитрость старой лисы:

— Как же можно, Ваше Высочество, вы — наследник престола, поднебесный, выше лишь один, ниже — десятки тысяч. Если сегодня князь Лин будет в одинаковой с вами одежде, это сочтётся проявлением непочтительности.

— К чему столько лишних слов, — услышав этот дуэт, Лу Це усмехнулся уголком губ. Те прекрасные глаза, и без того чарующие, излучали бесконечное очарование, смутившее сердца многих девушек. — Раз это принадлежит наследнику, другим и не подобает носить. Меня, князя, мало обучали должному этикету. Сегодня, получив наставление от первого советника, я и впрямь прозрел. Раз так, тогда не нужно.

Сказав это, он ловкими пальцами развязал узел. Плащ уже готов был соскользнуть с плеч, как вдруг пара широких сильных рук подхватила его.

На прежде бесстрастном лице мелькнула растерянность.

Он хотел обернуться, но его снова прижали.

Фу Чэнцы с холодным лицом сказал:

— Грелка лежит в карете. Ты что, хочешь замёрзнуть насмерть, если сейчас её сбросишь?

Затем он потянул тяжёлый плащ вверх, сзади обнял человека и лично завязал узел.

Лу Це оправился от растерянности. При виде появления Фу Чэнцы смятение окружающих было не меньше, чем у Лу Це.

Лицо Лу Юя и вовсе стало мрачным, его глаза пристально смотрели на Лу Це, скрывая за мягкостью клыки, убивающие без пощады.

Никто не понимал, что значит этот поступок Фу Чэнцы. Это были дворцовые ворота, неизвестно, сколько глаз императора скрывалось в тени. Лу Це глубоко вдохнул и, едва придя в себя, решительным движением сбросил плащ.

Кончики его пальцев ещё слегка дрожали. Он бросил плащ Фу Чэнцы и холодно произнёс:

— Раз князю Цзянбэй понравилось, не жалко подарить.

Сказав это, он вместе с Жуань Дао первым вошёл во дворец. Остальные, следуя примеру, тоже парами потянулись внутрь.

Когда почти все разошлись, Фу Чэнцы швырнул плащ с руки в объятия Вэй Е и не выдержал, спросил с упрёком:

— Это та информация, что ты три дня собирал?! Князь Лин болел три дня, истощение сердечной энергии и крови? По-моему, он три дня проспал и теперь полон сил.

Вэй Е не смел говорить, дрожа стоя на месте. Он же сам видел, как Жуань Дао лично приглашал лекаря, да ещё и лично подслушивал под стеной. Как могло возникнуть сомнение?

Однако охрана резиденции князя Лина и вправду слабая.

Канцлер Цзян шёл рядом с Лу Юем. Они шли впереди всех, слуги позади соблюдали почтительную дистанцию. Канцлер Цзян озабоченно сказал:

— Когда отношения между князем Цзянбэй и князем Лин стали такими хорошими...

Лу Юй тоже был несколько рассеян:

— Об их делах я, наследник престола, не знаю.

Канцлер Цзян встревожился ещё больше:

— Если он теперь в хороших отношениях с князем Лином, сможем ли мы в итоге использовать его.

Выражение лица Лу Це было надменным, в глазах сияла уверенность. Убеждённо он сказал:

— Ацы в прошлом остался в столице ради меня, наследника престола. Если я этого захочу, он непременно станет моей самой надёжной опорой.

Канцлер Цзян, получив такой уверенный ответ, тоже вздохнул с облегчением. Они сменили тему на светскую беседу и пошли к месту пира.

От автора:

Спасибо за чтение.

Вот и я, пришла.

<http://bllate.org/book/15603/1392934>